

СИРИЙСКИЕ КУРДЫ КАК ПРОТОГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУБЪЕКТ

ОТ ПОВСТАНЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ КОНФЕДЕРАЛИЗМУ

КИРИЛЛ ВЕРТЯЕВ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Резюме

Автономная администрация Северо-Восточной Сирии (ААСВС), несмотря на свой непризнанный статус, выступает одним из ключевых игроков в сирийском урегулировании. В то же время она стала политическим заложником ситуации, сложившейся в Сирии в результате гражданской войны, которая характеризуется активным вовлечением во внутрисирийский конфликт внешних политических игроков, доноров и арбитров. Статья сфокусирована на теоретическом концепте протогосударственности в рамках лево-либертарианской идеологической программы, реализуемой партией «Демократический союз», в связке с силами самообороны, установившей практически единоличный контроль в самопровозглашённой автономии. В статье выдвигается тезис о характеристиках протогосударственности Сирийского Курдистана, изначально реализованного в рамках концепта «повстанческого государства», но стремящегося к легитимации в форме автономии на принципах пропагандируемого Демократическим союзом «демократического конфедерализма» в рамках Сирии как государства анклавно-конгломератного типа. В статье дан анализ политической системы Сирийского Курдистана (Рожава, Сирийский Курдистан, Федерация Северо-Восточной Сирии, Автономная Администрация Северо-Восточной Сирии) с учётом того, что курдские силы самообороны включают в себя представителей некоторых других этнических групп, когда вкуче с политической структурой территория приобретает протогосударственные характеристики, а сами протогосударственные игроки выходят за рамки определения «сирийского крыла» запрещённой в Турции Партии рабочих Курдистана. Сделан вывод о хрупкости такой политической структуры ввиду наличия легко разжигаемых межэтнических противоречий между курдами и арабами в регионе. Между тем сирийские курды, руководствуясь идеей лидера ПРК Абдуллы Оджалана о том, что для получения международного признания национальное государство не обязательно, пытаются создать политическую структуру, в которой была бы стёрта грань между сепаратизмом и местным самоуправлением.

Ключевые слова:

Сирийский Курдистан; Рожава; демократический конфедерализм; Федерация Северо-Восточной Сирии; Автономная Администрация Северо-Восточной Сирии; протогосударство; YPG.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.11.2020

Дата принятия к публикации: 04.08.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: kitezh@mail.ru

В аналитической и публицистической литературе в отношении Автономной Администрации Северо-Восточной Сирии (ААСВС) часто используется термин Рожав (на курдском «Запад», «Западный Курдистан»¹). Речь идёт о следующих территориях: северные части сирийского Заефратья, самопровозглашённые кантоны Джизре и Кобани, оккупированный (на момент написания статьи) Турцией регион Африн, а также приграничный прямоугольник Тель-Абьяд – Рас эль-Айн, или Серекане. Значительная часть курдов, проживающих в курдских анклавах города Алеппо, также считают себя частью Рожавы. Политическое устройство Рожавы можно охарактеризовать как реализуемый на практике концепт альтернативной государственности (и даже «антигосударственности»), построенный на лево-либертарианских принципах осуществления власти «снизу вверх», а также контроля над природными ресурсами в рамках формирующегося протогосударства [Steiner 2009: 1–8]. Научный интерес к этому политическому феномену обусловлен возможным влиянием самого факта существования Рожавы (на момент написания статьи – ААСВС) и имплементируемой там социально-политической модели на дальнейшее обустройство Сирии и баланс политических сил как в самой стране, так и в регионе в целом. Понимание причин и механизмов формирования протогосударственности на северо-востоке Сирии необходимо и с точки зрения прогнозирования развития взаимосвязей и конфликтов между сирийским центром и курдской периферией, и как своеобразное лекало возникновения в современных обществах протогосударств, имеющих свою специфику, отличающую их от традиционных и де-факто обладающих суверенитетом политических образований дотогосударственного типа.

Интерес обусловлен также существующим научным консенсусом по поводу того, что в современном мире феномен протогосударственности объективно присутствует в различных обществах и на различных стадиях становления. Под понятием «протогосударство» обычно подразумевают политический субъект, который не представляет собой полностью институционализированное и/или суверенное государство [Szekely 2016]. В свою очередь под государством понимают «юридически оформленную и институционально организованную деятельность по осуществлению полномочий верховной власти, направленную на удовлетворение таких потребностей членов общества, которые не могут быть в полной мере удовлетворены ими самими в порядке частной инициативы» [Любашиц, Разуваев 2018: 52]. В данном определении отчётливо видна опора на коммунизм как признак государственности. Феномен может быть рассмотрен также в рамках теории государственной состоятельности. В последнем случае государство должно обладать организационными возможностями для мобилизации ресурсов (в том числе военных), поддержания внутреннего порядка, инструментами регулирующего вмешательства в экономическую и социальную сферы [Bartolini 2005]. В общетеоретическом плане в отношении Рожавы актуален вопрос и о том, является ли вообще данная полития (так же, как, например, древние Афины или Римский цивитас) протогосударством или она представляют собой особый тип безгосударственных сообществ?

Генеалогический подход к изучению баланса сил, практик и стратегий, реализуемых как в Рожаве, так и на всём курдском политическом пространстве Ближнего Востока (главными характеристиками которого можно назвать внутреннюю конфликтность и слабую институционализиро-

¹ В курдских регионах Ближнего Востока чаще говорят «Западный Курдистан», хотя географически Рожав – это скорее юго-запад Курдистана. Корректнее было использовать термин «Сирийский Курдистан», однако под контролем самопровозглашённой автономии, границы которой проходят практически вдоль всей реки Евфрат, находятся и территории расселения арабских племен. Поэтому использование термина Заефратье представляется наиболее уместным.

ванность), выглядит здесь предпочтительным. В рамках теории структуризации Э. Гидденса к подобным политиям применим подход как к «институциональным кластерам», в рамках которого социологи и политологи интерпретируют социальный мир, уже интерпретированный самими агентами, населяющими его [Гидденс 2005]. Выделение агентов подобного кластера входит в число задач настоящей статьи. Насколько Рожавя (Сирийский Курдистан или, в географически более широком смысле, ААСВС) может быть позиционирована в рамках теоретических характеристик протогосударственности? На такую идентификацию оказывают влияние процессы глобализации, участие внешних игроков в сирийском урегулировании, их донорская помощь, отношения с Дамаском в самом широком смысле, а также вариативность теоретических подходов к определению государственности и её практическая реализация в современном мире.

Феномен Рожавы: варианты научной интерпретации

Феномен Рожавы остаётся малоизученным, за исключением объёмного полевого исследования Т. Шмидингера, содержащего подробный анализ структуры и способов осуществления власти в этом образовании [Schmidinger 2018]. Он также затрагивается в публикации С. Хатахета «Политэкономия Автономной администрации Северной и Восточной Сирии»². Значительную часть трудов о Рожаве составляют описательные работы, основанные на полевых исследованиях, наблюдениях, интервью с местными функционерами и представителями различных политических сил. Часть аналитики политически ангажирована, ориентирована на запросы внешних игроков (США, Турции, России, Ирана). Особый интерес для понимания структуры власти в Рожаве представляют материалы о нару-

шениях прав человека в этом регионе, собранные международной организацией *Human Rights Watch*³. При этом осмысление природы Рожавы как политического феномена невозможно без изучения работ функционеров и руководителей Партии рабочих Курдистана (ПРК), чья политическая философия и легла в основу общественно-политической коммунальной модели «безгосударственности» [Флах, Айбога, Кнапп 2016: 14–24; Öcalan 2011; 2014].

Как отмечают отечественные исследователи, в политической теории до сих пор встречается ошибочный взгляд, сторонники которого рассматривают любые негосударственные формы политических образований как догосударственные, полагая, что в процессе развития они неизбежно преобразуются в государства. Этот подход исходит из презумпции, что самое неразвитое государство сложнее любого негосударственного общества, а политические отношения возникают только с появлением государства [Гринин, Коротаев 2009: 429–469]. Как отмечал Л.С. Васильев, подобные теории не смогли объяснить, откуда и за счёт чего возникали те крупные организационные структуры, без которых невозможно было вести успешные войны, приводившие к расширению территорий государств [Васильев 1983: 33–34]. Параллельно с международно-признанными государствами существуют политии, которые по уровню развития нельзя отнести к догосударственному типу. Можно сделать вывод, что протогосударства – это сложные политические организации с признаками государства, которые необязательно со временем станут полноценным государством.

В контексте расстановки и баланса политических сил на Ближнем и Среднем Востоке представляет интерес анализ политической природы Рожавы как воплощения модели повстанческого государства [McColl 1969]. Повстанческое государство

² Hatahet S. The Political Economy of the Autonomous Administration of North and East Syria. European University Institute. 2019. URL: <https://op.europa.eu/s/prKS> Дата обращения: 12.07.2021

³ <https://www.hrw.org/report/2014/06/19/under-kurdish-rule/abuses-pyd-run-enclaves-syria> (дата обращения : 19.07.2021).

МакКола обладает признаками протогосударственности, причем подобные политические образования нередко образуются в результате антиконституционного захвата территорий повстанческими группами, которые берут на себя функции местного самоуправления (к примеру, Хайат Тахрир аш-Шам, запрещенная на территории Российской Федерации), квазиправительства (ХАМАС) и даже претендуют на собственное государственное строительство (как «Исламское Государство», запрещенное на территории Российской Федерации). Такие политические образования опираются на компактно проживающие и политически мобилизованные этнические и религиозные группы. В большинстве своем эти протогосударства, основанные на этническом или ином партикуляризме, недолговечны: Тамил-Илам на Шри-Ланке (1983–2009), государство туарегов Азавад в Мали (2012–2013) и др.

Перечисленные случаи дают примеры политических субъектов, основанных на этническом или ином партикуляризме, представляющим атавистический отголосок национально-освободительных движений, чье победоносное шествие по миру в XIX – XX веках легитимизировало сложившиеся протогосударства с историческим опытом квазигосударственности (например, Уругвай начала XIX века, Зимбабве – Родезия). Нынешние «силы народной / национальной самообороны» на Ближнем Востоке стремительно обретают характеристики протогосударственных субъектов, чьи действия ведут к возникновению новых квазигосударств⁴. Они не столько стремятся к обретению статуса международно-

признанных, самостоятельных государств, сколько добиваются принятия в качестве обладающих той или иной степенью автономии «суверенных анклавов». Такая модель оказывается востребованной в странах анклавно-конгломератного типа, какой и представляется в настоящее время Сирия. В такого рода обществах отдельные группы оказываются способны противодействовать унифицирующему влиянию среды благодаря высокому уровню организованности [Богатуров, Виноградов 2002: 9]. Анклавы образованы этническими (культурно-лингвистическими или конфессиональными) группами с высокой внутренней мобилизационной идентичностью, отвергающие легитимность правящего режима. Они формируют пространство, в рамках которого группа может жить по своим законам и социальным нормам [Szekely 2016: 77].

Согласно марксистской трактовке, протогосударство формируется саморазвитием общественной организации, часто принимающей форму военной демократии. Военная демократия – это горизонтальная политическая структура, в которой существуют три не подчинённых друг другу органа управления: предводитель, совет, народное собрание. В научной литературе военная демократия нередко противопоставляется социально-политической структуре протогосударства, именуемой вождеством (чифдом) [Васильев 1980: 157–175]. Развивая идеи Карнейро [Carneiro 1981: 37–79], Л.С. Васильев писал: «Чифдом (от английского chief – вождь) – это промежуточный этап в процессе политической интеграции от догосударственных форм к государству

⁴ Здесь нужно оговориться о наличии разночтений в самих определениях протогосударственности и квазигосударственности – во всяком случае, в русскоязычной литературе. Несмотря на то, что приставка «квази» означает «псевдо», в англоязычной и русскоязычной трактовках существуют разночтения этого термина (англ: «proto-state»). В силу ряда исторических традиций в русскоязычной литературе приставка «квази» имела (и до сих пор иногда имеет) уничижительные коннотации, коренящиеся, скорее всего, ещё в традиции времен СССР, когда под этим термином подразумевались не имеющие как сущностного (т.е. выраженного национального), так и политического обоснования псевдогосударственные образования, искусственно создаваемые явными или мнимыми геополитическими противниками, носителями иной национальной, либо классовой идеологии (например, непризнание со стороны СССР и США африканской Родезии («квазигосударства»)). См. подробнее: [Лукичев, Скорик 1994: 132]

и потому является универсальным феноменом, известным и земледельцам, и номадам (которые дальше этого этапа и не шли), что характерно как для древних, так и для современных народов» [Васильев 1983: 32].

В вождествах (и здесь ярким примером может служить Иракский Курдистан, а точнее — пример двух составляющих его политико-территориальных элемента, объединившиеся вокруг кланов Барзани и Талабани, также имеющих протогосударственные характеристики), определён просматривается иерархия поселений, их централизация, ярко выражена стратификация общества, развита характерная для протогосударства внутренняя структура власти и становится отчётливым расслоение элит на управленческую и военную. В вождествах также присутствует тенденция к сакрализации персоны верховного правителя, тогда как при военной демократии может иметь место выражение несогласия с решениями и действиями предводителя. В Сирийском Курдистане под контролем аффилированных с Партией рабочих Курдистана сил присутствует именно этот элемент классического вождества — сакрализация Абдуллы Оджалана, лидера и основателя ПРК, который с 1999 г. находится в турецкой тюрьме. При этом элемент возвышения, исключительности своей собственной фигуры присутствует и в самих работах Оджалана [Оджалан 2014: 15–17].

Действительно, на Востоке протогосударства нередко поддерживались за счёт харизмы и авторитета лидера, но они быстро теряли свой мобилизационный потенциал в случае устранения или смерти вождя. Уместно вспомнить самопровозглашённое в условиях гражданской войны Свободное государство Ливан (1979–1984), прекратившее де-факто существование после смерти своего руководителя — христианина-маронита Саада Хаддада. В курдской истории примерами вождеств могут послужить и кочевая конфедерация милли нача-

ла XX века, и королевство Курдистан со столицей в Сулеймании (1922–1924), и Мехабадская Республика (1946). Возникновение и постепенная суверенизация протогосударств, то есть их превращение в национальные либо конгломератные, комплексные образования зависит от степени различных обстоятельств.

По мнению российского исследователя Т.В. Кашаниной, необходимое условие протогосударственности состоит в возможности производства массы продукта, не только достаточной для удовлетворения собственных потребностей, но и оставляющей излишки для обмена с внешней средой [Кашанина 2004: 44–45]. Рожава располагает соответствующей материальной базой: на севере и востоке Сирии сосредоточены значительные посевы пшеницы, других культур, то есть это «житница» всей страны. На северо-востоке и юге автономии, в районе Дейр-эз-Зора (Хашам, Ат-Табия), находятся крупнейшие (в масштабах небогатой углеводородами Сирии) запасы нефти. Все эти ресурсы на начало 2020-х годов находились под контролем Союза демократических сил (СДС) и США. На продажу нефти приходится около 60% доходов автономии, при том что её транспортировка осуществляются различными путями, в том числе через территории, подконтрольные Дамаску⁵.

В контексте трактовки протогосударственности используются различные категории, объясняющие политическую природу такого политического образования. В случае Рожавы преимущественно доиндустриальный характер хозяйственной жизни консервирует общество на стадии протогосударственности, а в исторической памяти курдов сохраняется образ самостоятельного социального организма с признаками политического суверенитета. К Рожаве (или к Сирийскому Курдистану) вряд ли применимы категории «региона оспариваемой государственности» (contes-

⁵ В апреле 2021 года администрация автономии направила 200 нефтевозов на нефтеперерабатывающий завод в Хомсе. См. подробнее: North East Syria: The Good, the bad and the Oil. 2021. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/north-east-syria-the-good-the-bad-the-oil/>

ted statehood), характерной, например, для ситуации с Косово [Weller 2009: 8], поскольку самопровозглашенная автономия не оспаривает на данный момент территориальную целостность Сирии: это скорее «регион неполного управления» (incomplete governance), где сирийское государство выполняет только часть своих функций, либо «регион переданного управления» (abdicated governance), где государство оставляет часть своих обязательств местным группам и элитам (как, например, в Иракском Курдистане или в некоторых приграничных районах Саудовской Аравии)⁶. Здесь также допустим термин «параллельной государственности», что, по сути, и означает превращение Сирии в конгломеративное общество.

Негосударственный субъект, изначально сформировавшийся на почве этно-конфессионального партикуляризма, нередко представлен парой связанных институтов: силами самообороны и политической организацией. Такие структуры определяются как «несуверенные единицы, которые обладают существенной экономической, политической или социальной силой и влиянием на национальном, а в ряде случаев на международном уровне» [Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте 2018: 301]. Несмотря на политические разногласия, они могут взаимодействовать с центральным правительством, в том числе в рамках консociональной демократии, участвуя в выборах и даже присутствуя в парламенте, что наглядно видно на примере Хезбаллы в Ливане. Негосударственные субъекты могут выполнять и другие функции, бросая вызов власти и легитимности того государства, в рамках которого они существуют. Это, в частности, военные функции (самообороны, контроля терри-

тории), контроля границ, дистрибуции внешней донорской помощи. Чаще всего подобные функции актуализируются в условиях военного времени или гражданской войны. Хотя негосударственные субъекты обладают многими характеристиками государства, им не хватает признания как легитимного правительства, даже если оно неспособно управлять территорией, на которую претендует [Mampilly 2011: 112]. Группы, сложившиеся на основе общей идентичности и социальной принадлежности, тяготеют к созданию коалиций для сдерживания общего врага. Такие объединения нередко остаются хрупкими и при первой возможности рассыпаются для создания меньшей, но более сплочённой и эффективной коалиции [Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте 2018: 307].

Устойчивость представляется одним из главных признаков протогосударственности, когда общество в рамках протогосударства приобретёт элементы политической централизации, и выступает, применительно к Сирии в форме альтернативного антигосударства, бросающего вызов всевластию государственных элит центрального правительства. Этот процесс позволяет объединить ряд территорий вокруг единого центра, который порой первоначально не имеет политического значения. Притяжение к нему объясняется языковой, религиозной, этнической, даже кровной общностью, сходством образа жизни и обычаев, географической близостью⁷. Между тем в рамках демократического конфедерализма сирийских курдов подобный центр отсутствует в виду формирования протогосударства, в котором этнически разнородное население консолидируется не только за счёт экспансии или наличия внешнего врага, но и благодаря донорской помощи со стороны США⁸.

⁶ См. подробнее [Попов 2011].

⁷ Лукичев П.Н., Скорик А.П. Квазигосударственность: историко-теоретический концепт, 20 лет спустя. Комментарий к ранее опубликованному концепту. 2013. URL: <https://www.npi-tu.ru/index.php?id=2028> (дата обращения: 10.05.2021).

⁸ Официально реципиентом помощи трёх главных и традиционных доноров (США, ФРГ, Великобритания) выступает Сирия. Указанные страны, отказавшись от сотрудничества с режимом Асада, предоставляют помощь напрямую территориям, контролируемым оппозицией. Сирия получает донорскую помощь от 30 стран [Бартенев 2018: 26].

Здесь нет ни провинции, ни периферии, поскольку каждая территориальная корпорация, объединившаяся вокруг местных советов, считает себя субъектом союза, самостоятельным в пределах своих границ. Общее политическое пространство сохраняется за счёт военного или иного давления (в контексте Сирийского Курдистана – со стороны ПДС – YPG, как военно-политической организации, претендующей на роль объединяющего центра этого социального образования). Власть в подобных политических образованиях нередко носит харизматический, а в дальнейшем – традиционный (традиционно-легитимированный) характер, когда само соблюдение законности обуславливается традицией⁹.

Если абстрактная общность территории зачастую носит нестабильный характер и сама природа организующих территориальное протогосударство образований не способствует их консолидации, то протогосударственный субъект отличается определённым уровнем консолидации, что во многом характерно как для сирийских курдских сил самообороны (курд. YPG: Yekineyen Parastina Gel), так и для политических сил ААСВС, организованных на принципах демократического конфедерализма (Партия «Демократический союз», ПДС), выступающих в качестве организационно-мобилизирующего центра протогосударственного образования, о чём было сказано выше. В сущности, самопровозглашённый полиэтничный конгломерат, пытающийся заменить собой и национальное государство в целом, и конкретную политическую систему, в частности, является универсальной структурой, к которой можно отнести наднациональные организации, протогосударственные образования, антисистемных игроков надгосударственного и альтернативного государству типа [Наумкин, Кузнецов 2020: 109].

Профессор О. Шекели определяет протогосударственных субъектов как негосу-

дарственные организации, которые взяли на себя множество функций государства на данной территории и выстраивают внешние отношения независимо от этого государства, оспаривая его легитимность на данной территории. Государственные функции, на которые они претендуют, включают широкий спектр задач, наиболее очевидной из которых остаётся военная (оборонная), когда «присутствие вооружённого ополчения явно бросает вызов центральному правительству, веберовскому эталону государственного суверенитета, монополии на законное применение силы» [Szekely 2016: 75]. Вооружённые подразделения некоторых протогосударственных субъектов сопоставимы по численности и оснащённости с армиями малых государств или даже превосходят их. Для различения протогосударственных субъектов от обычных местных милиций важно то обстоятельство, что эти образования выполняют и ряд невоенных функций, таких как обслуживание инфраструктуры, предоставление образования, медицинского обслуживания, регулирование дорожного движения [Flanigan 2009: 114]. Они могут иметь эффективную бюрократию и сильный административный потенциал, иногда конкурируя с представителями государства, авторитет которого они стремятся вытеснить, что наглядно видно на примере как Сирийского, так и Иракского Курдистана [Stansfield 2013: 60].

Многие протогосударственные субъекты развивают активную дипломатическую деятельность: к примеру, Организация освобождения Палестины имела представительство в Генеральной Ассамблее ООН. В этом смысле показателен международный вояж бывшего сопредседателя ПДС Салиха Муслима в 2013–2015 годах в поисках потенциальных партнёров для заключения политического альянса. Помимо этого, местные элиты использовали усиление своих связей с Дамаском с целью дав-

⁹ Лукичев П.Н., Скорик А.П. Квазигосударственность: историко-теоретический концепт, 20 лет спустя. Комментарий к ранее опубликованному концепту. 2013. URL: <https://www.npi-tu.ru/index.php?id=2028> (дата обращения: 10.05.2021).

ления на внешних игроков в лице США, которые не воспрепятствовали захвату турецкими войсками и их туркоманскими прокси сирийского Африна, входившего в состав Рожавы¹⁰. Протогосударственные субъекты выстраивают внешнюю политику в ответ на региональную динамику (в рассматриваемом случае — определяющуюся негативными последствиями Арабской весны), а также в ответ на требования общественного мнения внутри самого образования. Позиция государства-противника также актуальна для настоящего исследования, ведь для курдской автономии Сирии под контролем ПДС-YPG таковым представляется Турция, но для созданных по инициативе США Демократических сил Сирии, куда входят YPG, Турция противником не является.

Если говорить о других протогосударственных образованиях Ближнего Востока, таких как ХАМАС или Хезбалла, то внешнеполитические решения, которые они приняли как контексте Арабской весны, серии восстаний в арабских странах в 2011 г., не только приведших к смене ряда политических режимов, но и «вызвавших хаотические последствия, спровоцировавшие дебаты об обоснованности существующих государственных границ в свете дезинтеграции по этно-конфессиональным, племенным признакам в результате гражданской войны не только в Сирии, но и в Ливии и Йемене». [Kwaten 2020: 235], свидетельствуют о том, что они руководствуются не только императивами борьбы за обеспечение национальных или религиозных прав, но и ищут прагматичные ответы на политическое давление извне. Так, на фоне обострения отношений с Израилем в 2021 г. указанные политические акторы проводят внешнюю политику во многом так же, как и государства.

Исходя из предшествующего анализа протогосударственных образований, при-

менительно к Сирийскому Курдистану по-прежнему актуальной представляется сформулированная Р. МакКоллом в 1969 г. теория повстанческого государства. Анализируя радикальности происходящих в Сирийском Курдистане социально-экономических и политических преобразований, включая создание политического восходящего народного управления, предоставления максимальных прав женщинам, многие исследователи наделяют их характеристиками революционности [Жизнь без государства: революция в Курдистане. 2017: 117]. МакКолл же утверждал, что революция стремится к увеличению территорий под своим контролем, в результате чего приобретает «территориальный императив». Он отмечал, что в период «холодной войны» национальные революции приняли в качестве основной тактики создание анти-государства (повстанческого государства), конкурирующего с самим смыслом существования (*raison d'être*) международно-признанного государства. Такого рода образование устанавливает контроль над территорией и населением, в частности путём создания собственной армии, оформления территории и административных единиц. В этой связи национальные революции целесообразно рассматривать как процесс становления территориально-политического субъекта на политически враждебной территории. МакКолл рассматривает эти фазы с географической точки зрения, полагая, что «каждый этап представляет собой эволюцию повстанческого государства и его способности увеличить территорию под своим политическим и военным контролем» [McCull 1969: 619].

По схеме традиционных повстанческих групп действовали как восставшие иракские курды в 1960-х годах, так и сторонники Абдуллы Оджалана и Партии рабочих Курдистана на территории Турции с 1984 года,

¹⁰ *Mustafa Gurbuz*. False Hopes? Prospects for Political Inclusion in Rojava and Iraqi Kurdistan. Rice University's Baker Institute for Public Policy. Issue brief. 09.05.18. p. URL: <https://www.bakerinstitute.org/media/files/files/28e92444/bi-brief-090518-cme-carnegie-gurbuz.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).

когда установление контроля над территорией и создание повстанческого государства выдвигалось в качестве цели вооруженной борьбы. В частности, в своей работе по иракским курдам Г. Стендсфилд ссылается на работы Мао Цзедунa, где эта стадийная тактика формулировалась через схему «конфликт – паритет – контрнаступление – мобильная война – регулярная война». [Stansfield 2003: 21]. На четвертом съезде Партии рабочих Курдистана, в 1990 году, была сформулирована именно такая этапность вооруженной борьбы против турецкого государства – создание стратегических пунктов на «освобожденной территории» с трансформацией мобильной войны в позиционную [Вертяев 2007: 51]. Последовавшая актуализация курдского фактора в Сирии в результате гражданской войны и фрагментирование здесь курдской протогосударственности привело перетеканию курдских инсургентов и кадров ПРК из Турции в Сирию, учитывая тесные связи между турецкими и сирийскими курдами, говорящими на одном курдском наречии – курманджи.

Создание повстанческого государства имеет ряд требований и ценностей для национально-освободительного движения. *Во-первых*, это – убежище для её лидеров с целью продолжения борьбы, достижения целей национально-освободительного движения, в том числе с точки зрения людских и материальных ресурсов, создавая ауру легитимности для своих последователей [McCull 1969: 614]. И хотя теоритически целью повстанческого государства является постепенное полное установление контроля над территорией и вытеснение или замена центральной власти, согласно точке зрения МакКолла, современные ему в 1969 г. национально-освободительные движения в качестве основной тактики использовали создание территориального анти-государства (мятежного государства) внутри другого государства. Этот механизм предполагает создание территориальных единиц, конкурирующих со всеми или многими атрибутами любого легитимного государства, а его квазигосударственность,

с точки зрения элит такого политического образования, выражается в контроле над территорией и населением и в том числе в создании собственных территориальных и административных единиц, а также своей партизанской армии.

С 2012 г. основу повстанческого управления в Рожаве (ААСВС) составляли мобилизованные вокруг ПДС сторонники Партии рабочих Курдистана. Политическая доктрина этого движения с момента его появления в 1978 г. до начала XXI века была ориентирована на создание повстанческого государства – политического образования со всеми атрибутами национального суверенитета («Социалистический Курдистан»), под которым элитам этого политического движения представлялся контроль над территорией и населением, наличие сети опорных баз и административных единиц, а также силовой поддержки в лице партизанской армии [Вертяев 2007: 29]. Отечественный исследователь Р.Ф. Туровский также определяет повстанческие государства как территории, контролируемые вооружёнными противниками правящего режима [Туровский 1999: 216]. В современных условиях повстанческое государство можно рассматривать и как контролирующей территорию политический институт, конкурирующий с атрибутами государственности действующего режима и ассоциированными с ним институтами публичной власти. В случае ПРК таким антагонистом выступала и выступает Турция, на территории которой эта политическая сила зародилась и действовала. В этой связи экстраполированная на Сирийский Курдистан доктрина ПРК приобрела качественно новые характеристики, о которых будет сказано ниже.

Формирование повстанческого государства в Сирийском Курдистане

Началом формирования в Сирийском Курдистане повстанческого государства могут считаться события 18–19 июня 2012 года, когда силы самообороны курдов Сирии (YPG) взяли под свой контроль въезд и выезд из Кобани, а в самом городе

сторонники партии «Демократический союз» (ПДС) заняли государственные учреждения. Армия Сирийской Арабской Республики (САР), вынужденная вести борьбу с вооружённой оппозицией в других регионах страны, покинула северные провинции, населённые курдами на основе договорённостей, достигнутых в ходе переговоров с курдскими представителями. [Acun, Keskin 2016: 12]. Она сохранила контроль лишь над аэропортом, вокзалом и контрольно-пропускным пунктом на границе с Турцией в главном городе Камышлы.

В 2012 г. в Эрбиле (Иракский Курдистан) был создан временный орган управления Сирийским Курдистаном – Высший курдский совет (ВКС, Desteya Bilind a Kurd, DBK), сформированный на паритетной основе из членов Народного собрания Западного Курдистана (НСЗК), в котором доминировала ПДС, и членов Курдского национального совета в Сирии, ориентированных в основном на Демократическую партию Иракского Курдистана. При этом между курдскими группами сохранялись серьёзные противоречия по вопросам отношений с центральным правительством в Дамаске, необходимости иностранного вмешательства в сирийский внутренний конфликт и объединения со всей сирийской оппозицией, против чего выступали сторонники ПДС. В ноябре 2013 г. под патронатом ПДС в Сирийском Курдистане была создана зонтичная организация «Движение за демократическое сообщество» (TEV-DEM), целью которой провозглашалось построение политической системы «демократического конфедерализма» [Вертяев 2015: 368].

Политическая легитимность образованных под управлением ПДС местных советов происходила исключительно из доминирования группы определённой идеологической ориентации (эко-анархисты и представители других левацких групп), имеющих существенную военно-административную подпитку со стороны ПРК, но состоящих в подавляющем большинстве из представителей ПДС, политических сателлитов ПРК, которые отрицали легитим-

ность своих оппонентов – в основном из числа сторонников клана Барзани из Иракского Курдистана, а также мелких курдских партий Курдского Национального Совета (КНС) в Сирии.

После самопровозглашения в январе 2014 г. курдская автономия Рожав включала в себя три курдских кантона, значительную часть пространства между которыми контролировали силы квазигосударства ИГ. К июню 2015 г. в результате вооружённой борьбы сил самообороны (YPG-YPJ (женские батальоны)) против радикальных исламистов кантоны были объединены в единое квазигосударственное образование – Рожава. Провозглашение автономии состоялось 17 марта 2016 г. под названием Федерация Северной Сирии – Рожава. В конце 2016 г. автономия стала именоваться Федерацией Северо-Восточной Сирии, уже без уточнения «Рожава» (курд. «Запад», «Западный Курдистан») поскольку под контроль демократических вооружённых сил Сирии, костяк которых составляли силы YPG, стали переходить южные территории Заевфратья, населённые в основном арабами.

Под контролем СДС в самопровозглашенной Автономной Администрации Северо-Восточной Сирии оказалась территория, на которой проживало около трёх миллионов человек, включая анклав Шахба к северу от Алеппо и находившийся под совместным контролем YPG и Джабхат аль-Акрад район Шейх-Максуд в центре Алеппо (в конце декабря 2017 г. перешедший под контроль правительственных сил).

Как прокурдская партия в Сирии, ПДС смогла привлечь на свою сторону большое число сторонников ПРК с опытом вооружённой борьбы против сил безопасности и армии Турции. ПДС и ее вооруженное крыло YPG приобрели известность благодаря военным победам над боевиками ИГ, одержанными во многом благодаря донорской поддержке, которую они получали сначала от Ирана, а затем – от возглавляемой США международной коалиции. В период 2013–2018 годов Сирийские демократические

силы (СДС), поддерживаемые Соединёнными Штатами, установили контроль над всей территорией сирийского Заевфратья на юге до Дейр Эз-Зора.

На начало 2020-х годов костяк СДС по-прежнему составляли курдские силы народной самообороны (YPG), формально подчинённые Высшему Курдскому Совету (ВКС), но фактически аффилированные с Партией «Демократический союз» (ПДС). Граница самопровозглашённой автономии, отделяющая её от остальной территории Сирии и от кантона Кобане, в котором были дислоцированы российские войска, стала де-факто проходить по Евфрату.

Летом 2017 года, в условиях широкомасштабного наступления на ИГ, Россия и США достигли договорённости об установлении реки Евфрат в качестве линии отделяющей отряды СДС (продвигавшиеся по северо-восточному берегу реки) от территорий, контролируемых сирийской армией и иными правительственными и проправительственными вооружёнными формированиями¹¹. Это привело к формированию здесь де-факто квазигосударства с доминированием сторонников запрещенной в Турции Партии рабочих Курдистана (ПРК). По мнению сторонников турецкой оппозиционной Партии демократии народов (ПДН), вскоре после этого правительство Турции стало оказывать давление на реакционные джихадистские организации, подталкивая их к атакам на формирующиеся центры курдского самоуправления на севере Сирии¹². Это во многом соотносится с угрозами самой концепции «повстанческого государства», создание которого под руководством идеологии ПРК является «красной линией» для национальной безопасности Турции [Acun, Keskin 2017: 7-8].

В частности, первая атака состоялась на город Серекане (Рас аль-Айн) в ноябре 2012 года. Атаки на курдские автономии

со стороны ИГИЛ (с 2014 – ИГ), Аль-Нусры, а также некоторых подразделений Сирийской свободной армии продолжались летом 2013-го. Их целями стали самопровозглашённые автономные субъекты (кантоны) Джазира, Кобани и Африн. В условиях атак на самопровозглашённую автономию в Сирийском Курдистане произошло слияние ПДС и вооружённых формирований курдской самообороны (YPG). Тем не менее из-за внутрикурдских разногласий в ноябре 2013 г. КНС вышел из состава Высшего курдского совета, что привело к прекращению его деятельности вплоть до конца 2020 года, когда между КНС и блоком партий «Курдское национальное единство», объединяющим в основном сторонников ПДС, возобновились переговоры.

Одна из очевидных причин возникновения курдского самоуправления на севере Сирии состоит в том, что представители национального движения курдов Сирии не были приглашены в качестве самостоятельных политических сил к участию в переговорах в Женеве («Женева-2»), предпринятых в попытке внешнего дипломатического урегулирования сирийского конфликта. Суверенизация самопровозглашённых кантонов не устранила некоторой зависимости от Дамаска. Сирийская государственность в Рожаве сохраняла и сохраняет формальное присутствие, что выражается, к примеру, в том, что Дамаск поставляет учебники для школ и продовольствие в обмен на нефть, а также осуществляет ряд формальных представительских функций (в том числе охрану аэропорта в Камышлы, куда выполнялись авиарейсы из Дамаска). Самопровозглашённая автономия имеет собственный штамп на сухопутной границе с Ираком, в котором Федерация Северной Сирии обозначена как часть Республики Сирия (а не Сирий-

¹¹ Макаренко Г., Сидоркова И. Новый виток войны: как победа над ИГ изменила сирийский конфликт // rbc.ru. 15 февраля 2015. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/02/2015/5a83fa169a79476fb19e3029>

¹² Oluç H.K. IŞİD'in Türkiye bağlantıları. www.hdp.org.tr [Электронный ресурс]: URL <https://www.hdp.org.tr/tr/isidin-turkiye-baglantilari/13616>

ской Арабской Республики). Таким образом, мы видим признаки протогосударственности, которые выражаются в атрибутивных признаках, характеризующихся оспариванием государственного устройства без посягательства на сирийскую территориальную целостность.

Политическая структура Рожавы

Партия «Демократический союз» была создана в 2003 г. сирийскими сторонниками ПРК как сирийское отделение Союза Сообществ Курдистана (КСК) и до гражданской войны находилась под постоянным давлением и преследованием со стороны баасистских режимов Сирии и Ирака. Одна из политических целей КСК как зонтичной структуры заключается в объединении всей территории компактного проживания курдов на принципах демократического конфедерализма при сохранении существующих государственных границ (то есть без подрыва территориальной целостности Турции, Ирака, Ирана, Сирии). В основе такого подхода лежат взгляды американского эколога-анархиста Мюррея Букчина, пропагандиста «по-настоящему новой» политической системы, которая, в отличие от модели национального государства, основана как на физической, так и на институциональной децентрализации власти и воплощает концепции либертарианского муниципализма и конфедерации¹³.

Модель Рожавы «подчеркивает концепцию организации сосуществующих сингулярностей множества в соответствии с моделями саморепрезентации и самоорганизации, в которых институты самоорганизации не ограничиваются культурными и этническими категориями» [Кнапп, Jongerden 2014: 88–90]. Такая организация, в которой чрезвычайно сильны и влиятельны силы самообороны, имеет черты военной демократии, что с точки зрения популярного среди сторонников Рожавы марксизма также считается одним из признаков протого-

сударственности. Политическая система Рожавы представляет собой попытку воплотить в жизнь концепцию «демократической автономии, конфедерализма и демократической республики на небольшой территории» [Флах, Айбога, Кнапп 2016: 101].

По мнению американского исследователя М. Гюнтера, имплементируемые в Рожаве местные советы на практике не имеют полномочий для принятия важных решений. В действительности все рычаги власти находятся в руках руководства ПРК и лично Абдуллы Оджалана, находящегося в турецкой тюрьме [Gunter 2014: 120]. Тем не менее, ряд политических решений принимают ключевые командиры, такие как Мазлум Кобани Абди (главнокомандующий вооружёнными силами СДС) и Мурат Карайылан (главнокомандующий силами Народной самообороны – партизанской армии ПРК). Между тем система советов играет важную роль в функционировании власти на местах, в принятии решений, затрагивающих повседневную жизнь жителей автономии [Schmidinger 2018: 221]. Советы занимаются экономическими вопросами, обеспечивают обратную связь на местах и организацию управления, будучи ещё и важным пропагандистским инструментом социальной модели, применяемой ПДС. Реформированию патриархального уклада курдского общества способствует введение на местах женского самоуправления, обеспечение гендерного равенства в исполнительных органах власти и силах самообороны.

Начиная с 2000-х годов в ПРК, с которой идеологически аффилирована ПДС, произошёл стратегический сдвиг в сторону более демократического дискурса с целью создания на Ближнем Востоке федеральных и конфедеративных образований [Оджалан 2014: 457]. В 2011 г. А. Оджалан писал, что чрезмерный упор на нациестроительство на Ближнем Востоке можно преодолеть с помощью «демократической ав-

¹³ Bookchin M. Libertarian Municipalism: An Overview. 1991 [Электронный ресурс] URL: <http://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-libertarian-municipalism-an-overview> (дата обращения: 11.05.2021).

тономии» [Оджалан 2011: 18–20]. Курдское движение, ассоциированное с ПРК, ослабило акцент на праве на самоопределение через формирование независимого курдского государства, склоняясь к концепции, основанной на самоуправлении, демократической автономии и демократическом конфедерализме.

Основополагающим документом (своеобразной конституцией) самоуправляемых автономных территорий Северо-Восточной Сирии (ААСВС) стал так называемый общественный договор, провозглашающий идеи демократической автономии и демократического конфедерализма краеугольным камнем региональной политической структуры¹⁴. Основным институт, воплощающий в Рожаве демократический конфедерализм — это Демократическая автономная администрация, которая состоит из законодательного совета (парламент), исполнительного совета (правительство) с министерствами (курд. *deste*, правление) и муниципалитетов (местные органы власти, «народные муниципалитеты»). Радикальные / прямые демократические структуры в Рожаве называются Народным советом Западного Курдистана (Meclisa Gel a Rojava ya Kurdistane, MGRK). Основу восходящей модели «снизу вверх» в рамках демократического конфедерализма составляет коммуна (собрание, состоящее из домашних хозяйств), за которой следуют кварталы — деревни, состоящие из коммун, районных народных советов, координируемых Движением демократического общества (TEV-DEM), состоящим из политических партий, общественных движений и гражданских организаций. В этом, как представляется некоторым исследователям, заложен «проект радикальной демократии для Ближнего Востока, который имеет три главные составляющие: антинационализм, антигосударственность и гендерное освобождение» [Флах, Айбога, Кнапп 2016: 101–102].

Одним из признаков протогосударственности представляется отделение аппарата управления от общества как имманентное свойство политической власти на стадии формирования бюрократического государства. В Рожаве первичной организацией такой коммунальной системы является деревенский совет или совет городского района. Коммуны состоят из нескольких комиссий по 5–19 членов, в ведении которых находятся различные сферы — экономика, оборона и др. Делегаты нескольких коммун формируют районный или деревенский совет, который, по аналогии с коммунами, состоит из нескольких комиссий. Такие районные (деревенские) советы избирают региональные советы, также состоящие из нескольких комиссий. Эти советы избирают Народный совет Западного Курдистана. Все советы имеют двух сопредседателей — мужчину и женщину. В их структуре есть отдельный женский совет [Schmidinger 2018: 219]. Высшим органом власти в автономии выступает Ассамблея демократической Сирии.

Значительная часть сирийских курдов мобилизуется вокруг ПДС и их сил обороны, пытаясь распространить свой социальный эксперимент на весь конгломерат проживающих здесь национальностей. Эта крайне идиосинкразическая для соседней Турции теория демократического конфедерализма, ориентированная на создание автономии сирийских курдов при отрицании идеи национального государства, позволяет местным элитам, поддерживающим требования об автономии в Сирии, утверждать, что курды не представляют реальной угрозы территориальной целостности страны, поскольку они не стремятся к полной независимости от Дамаска.

Необходимость консоциального устройства Рожавы дала о себе знать ещё в 2012 году, когда был сформирован Высший

¹⁴ Полный текст доступен по ссылке: Social Contract of the Democratic Confederation of Northern Syria. 29.12.2016. URL: <https://internationalistcommune.com/social-contract/> (дата обращения: 11.05.2021).

Курдский Совет и стали видны признаки нациестроительства, основанного на этническом партикуляризме. Поэтому политическую парадигму ПДС можно определить как «некурдоцентричность», основанную на максимальной инклюзивности некурдского этнического элемента в лице ассирийцев, езидов, арабов и д. И наоборот, определённая «курдоцентричность» входивших до 2013 г. в ВКС курдских партий, близких иракской Демократической партии Курдистана (ДПК), вызвала отторжение в Рожаве. Местный демократический конфедерализм гораздо гибче даже в сравнении с консоциональными демократиями, что важно с точки зрения способности зарождающейся политической системы разрешать разногласия и конфликты, вызванные этнолингвистическим и идеологическим плюрализмом. Согласно принятой в декабре 2016 г. временной конституции Демократической Федерации Северной Сирии, это протогосударство строилось на принципах «демократического социализма, либертарианского муниципализма, прямой демократии, анархизма и гендерного равенства»¹⁵.

Одной из серьёзных проблем Рожавы остаётся отсутствие авторитетного лидера, ответственного за принятие и воплощение политических решений, а также недостаточная поддержка такой политической системы конкурирующими курдскими политическими организациями. Главнокомандующий СДС Мазлум Кобани Абди в качестве такого лидера не устраивает курдов, близких к Курдскому национальному совету Сирии. До сих пор не реализовано Дохукское соглашение, заключённое между ПДС и КНС при посредничестве США 21 октября 2014 года, которое подразумевало создание новых советов с равным распределением представительских функций между сторонниками ПДС, с одной стороны, и КНС – с другой. Это соглашение предполагало создание совместных вооружённых сил курдов (чего добивались

США), но политические силы внутри Курдского национального совета оказались не в состоянии договориться по этому вопросу между собой, не говоря уже о силах самообороны сирийских курдов (YPG), не желавших вливаться в вооружённые формирования (пешмерга) Иракского Курдистана. Таким образом, провозглашённые в январе 2014 г. на севере Сирии автономные курдские кантоны Джизре, Кобани и Африн стали не совместной политической структурой курдских политических сил, а политическим образованием под единым руководством ПДС в условиях военной демократии.

Тем не менее в июне 2020 г. состоялись успешные переговоры двух основных курдских организаций, постоянно соперничавших в автономии: это Курдский национальный совет Сирии, близкий клану Барзани из Иракского Курдистана, и зонтичная организация «Движение за демократическое общество» (TEV-DEM) – идейные сторонники демократического конфедерализма.

Другая зонтичная организация – Сирийские демократические силы (СДС), созданная при участии США, включает в себя представителей курдов, арабов, туркоманов и ассирийцев. После падения террористического оплота ИГ в Ракке в 2017 г. в качестве идеологического партнёра ПДС в арабо-суннитских районах под контролем СДС была создана Партия «Будущая Сирия» (2018), вобравшая в себя сторонников идеологии демократического конфедерализма, в основном из числа арабов. Наиболее близкими к ПДС некурдскими силами выступают: Силы ас-Сассанид (племени шаммар), Ассирийский военный совет, Джейш ас-Сувар («Путь революционеров»). Все эти организации отличаются жёсткой оппозицией к официальному Дамаску. На конец 2019 г. в группировках, аффилированных с СДС, состояли около 40 тысяч бойцов, причём группировка контролировала около 70% нефтедобычи реги-

¹⁵ Social Contract of the Democratic Confederation of Northern Syria. 29.12.2016. URL: <https://internationalistcommune.com/social-contract/> (дата обращения: 11.05.2021).

она¹⁶. Руководство ПДС ещё в 2017 г. заявляло, что намерено использовать свой контроль над нефтегазовыми ресурсами северной и восточной Сирии как аргумент на переговорах с сирийскими властями по поводу будущей судьбы Сирийского Курдистана.

На этом фоне в автономии по-прежнему сохраняется проблема легитимации власти, особенно на территориях проживания арабов, освобождённых от власти ИГ. Среди арабского населения, находящегося под контролем Сирийских демократических сил (СДС), зреют антикурдские настроения, участились случаи кровной мести. В начале августа 2020 г. был убит шейх арабского крупного племенного конгломерата аккидат Ибрагим Халиль аль-Джадаан аль-Хифли, похороны которого переросли в столкновения арабов с курдами. Центром бунта стали поселения Дибан и Эль-Хавейдж, но вскоре беспорядки распространились до Дейр-эз-Зора и были поддержаны арабским племенем хасаки¹⁷. В начале июня 2021 г. произошли столкновения в г. Манбидже, где силы СДС открыли огонь по демонстрантам, выступавшим против службы в рядах СДС под курдским руководством, что привело к гибели четырёх человек¹⁸.

Подобные конфликты позволяют предположить, что в случае прекращения поддержки Вашингтоном ААСВС вряд ли сохранится как единое политическое целое, а скорее распадётся на арабскую и курдскую части. Сложно установить, насколько антагонистичны противоречия между курдами и арабами не только в южных, но и в северных районах автономии. Зачастую попытки сил самообороны и ПДС в рамках Демократической ассамблеи Сирии (выс-

шего органа власти самопровозглашённой автономии) насаждать принципы демократического конфедерализма в арабских областях северо-востока Сирии вызывают отторжение населения. Тем не менее руководство ПДС и аффилированные с ними политические силы не прекращают усилия, настаивая на том, что в политической системе демократического конфедерализма нет места сепаратизму.

Причины противоречий ПДС с частью арабских племен, в основном клерикальной направленности, заключаются во многом в том, что политическая культура арабской уммы Ближнего Востока долгое время препятствовала введению многопартийности, поскольку традиционному исламскому миропониманию свойственна дихотомия, противопоставление единственной истины (ниспосланной Аллахом) миру войны (Дар аль-Харб), или партии (хизб) Шайтана [Звягельская, Кузнецов 2017: 9]. ПДС, а также сплотившийся вокруг неё межпартийный конгломерат (с 2020 г. Партия Курдского национального единства, бывшая TEV-DEM) имеют больше шансов наладить отношения с неклерикальным сегментом арабской уммы. Этому способствует тесная связь Рожавы (равно как и ААСВС) с левым, ультралевым, экологическим, неомарксистским, анти- или постклерикальными движениями как Ближнем Востоке, так и на мировой арене, обеспечивающая протогосударству идейную поддержку и легитимацию в глазах многих европейских и американских левых активистов. Таким образом, сформировавшаяся де-факто политическая система Рожавы имеет свою специфику, которая при внешнем донорстве имеет тенденцию сохранять свою политическую стабильность.

¹⁶ Francis E, Perry T. Syrian Kurds outgunned but vow to inflict toll on Turkish army. Reuters. 10.10.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-syria-security-turkey-sdf/syrian-kurds-outgunned-but-vow-to-inflict-toll-on-turkish-army-idUSKBN1W02VX> (accessed: 11.05.2021).

¹⁷ Вертяев К. Ситуация в Рожаве: Автономная администрация Северо-восточной Сирии (ААСВС) в условиях пандемии (2020 г.) 25.11.2020. URL: <https://riataza.com/2020/11/25/situacziya-v-rozhave-avtonomnaya-adminis/> (дата обращения: 21.06.2021).

¹⁸ Курдские формирования открыли огонь по демонстрантам в сирийском Манбидже. Россия сегодня. 01.06.2021. URL: <https://ria.ru/20210601/siriya-1735151217.html>. (дата обращения: 21.06.2021).

Перспективы стабильности Рожавы, как протогосударства

Сравнивая движение сирийских курдов под руководством ПДС с сепаратистами Южного Йемена (Южный Переходный Совет), можно заметить ряд аналогий. Голландский исследователь Л. Квартен отмечает, что динамика гражданской войны мобилизовала население в Южном Йемене в 2017–2020 годах вокруг политических сил, которые использовали внешнюю для них угрозу в виде атак хуситов с целью суверенизации подконтрольных южных регионов, попытки отделения от Йемена [Kvarten.2020: 236] Здесь можно высказать предположение, что и курдские протогосударственные субъекты в Сирии возникли в качестве реакции скорее на Арабскую весну, а также на приближение сил ИГИЛ (ИГ) к границам территорий компактного проживания курдов, нежели собственно на гражданскую войну в Сирии. Если эта гипотеза верна, то анализ ситуации в Сирии станет основанием для предположений относительно потенциальных альянсов, в которые могут вступать такие протогосударственные субъекты на всём Ближнем Востоке.

В 2011–2013 годах вспышка гражданской войны в Сирии и временная победа поддерживаемых Турцией исламистских правительств в Тунисе и Египте, тем не менее, вызвали серьёзные сдвиги баланса сил в ближневосточном регионе как по линии актуализации исламского фактора, так и по линии смены политических и клерикальных элит региона, когда был брошен вызов ранее существовавшим протогосударственным субъектам, таким как Хезбалла и ХАМАС, и одновременно возникли новые курдские силы самообороны YPG в связке с созданной в 2003 году Партией «Демократический Союз» и, возможно, в перспективе с Курдским Высшим Советом. После начала гражданского конфликта в Сирии ХАМАС разорвал отношения с официальным Дамаском, а Хезбалла, наоборот, приняла непосредственное участие в си-

рийской гражданской войне, невзирая на людские и имиджевые (для Ливана) потери. Курдские силы самообороны и их политические сателлиты в сирийском конфликте сохраняли нейтралитет.

Такое решение ПДС-YPG опосредовано широкими региональными нарративами и внутривнутриполитическими вызовами, а не просто основано на императивах обеспечения национальных прав курдов в Сирии. Рожава, как политическая система повстанческого типа, имеет возможность приобретать такую меру инклюзивности, которая позволяет говорить об ее дистанцировании от этнического партикуляризма. В этой связи ПДС-YPG стремились к созданию альянсов, ориентируясь не только на реалии конфликта с Турцией или с соперничающими курдскими политическими силами, но также и на изменение в свою пользу регионального баланса сил, сумев привлечь на свою сторону в качестве донора США, в том числе и с целью легитимации своего политического статуса как протогосударства. Росту его легитимности в глазах местного неклерикального населения способствовали успехи в противостоянии с ИГИЛ, с Турцией (где ПРК и ПДС признаны террористами), с Фатх-Халеб (до 2016 года), Ахрар аш-Шам, фронтом Аль-Нусра и отчасти с центральным сирийским правительством в Дамаске. Подобная многовекторность военного сопротивления до настоящего времени обеспечивала стабильную мобилизованность такого повстанческого государства, перед лицом антагонистических сил, в первую очередь – в лице ИГИЛ (ИГ).

Анализируя историю автономного управления и стратегии ПДС на севере Сирии в период начиная с 2012 г. ряд исследователей утверждают, что ПДС продемонстрировала сочетание приверженности к демократии и нарушений в своей практике демократических методов управления. [Özçelik. 2020: 690–691]. О том же самом свидетельствуют наблюдения Human Rights Watch¹⁹. На примере Рожавы мы видим, как

¹⁹ <https://www.hrw.org/report/2014/06/19/under-kurdish-rule/abuses-pyd-run-enclaves-syria> (дата обращения: 05.08.2021).

инструменты насилия и вооруженного сопротивления также являются одним из способов попытки политической легитимации, что характерно для в многих протогосударственных воинствующих организаций, таких как YPG-ПДС (Сирия), Хезбалла (Ливан), ХАМАС (Палестина), фронт ПОЛИСАРИО (Западная Сахара) или, к примеру, движение сапатистов в Мексике. Постоянная военная мобилизованность повстанческих государств является одной из важных предпосылок их выживания и возможной легитимации при опоре на внешнее донорство.

* * *

Складывающееся на северо-востоке Сирии протогосударство, на момент написания статьи именуемое ААСВС, не является курдским в этническом смысле. Оно имеет черты военной демократии, где в качестве основной силы выступает военный альянс Сирийских демократических сил, значительную часть которых составляют силы курдской самообороны (YPG). При этом СДС не располагает полным контролем над населением и не обладает монополией на насилие на следующих территориях: населённых в основном арабскими племенами; находящихся под контролем Турции по итогам военной операции «Источник мира»; подконтрольных сирийским правительственным силам в Хасеке и Камышлы, где в качестве миротворцев присутствуют российские вооружённые силы.

Вместе с тем Сирийский Курдистан (Рожава) представляется даже не прото-, а анти-государством, в рамках которого сирийские курды, близкие к ПДС, используют идеи Абдуллы Оджалана (почерпнутые им у М. Букчина) о том, что национальное государство не обязательно для получения международного признания, и о том, что грань между сепаратизмом и местным самоуправлением стирается. В частности, Оджалан утверждает, что курды не должны

стремиться к созданию независимой национально-государственной структуры, потому что национальное государство по своей сути есть отмирающий институт, основанный на гомогенизации и ассимиляции – именно от этого курды и пострадали в новейшей истории [Öcalan 2010: 195]. Как феномен исторической памяти, раздела с 1921 г. границами Сирии и Турции говорящего на языке курманджи единого курдского народа, такой политический посыл находит отклик и понимание у значительной части курдского населения и создаёт основу для сохранения территориальной целостности Сирии [Vertyaev 2018: 448]. Автономная Администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС), заявляющая себя как часть Сирии, имеет две перспективы. Первая – официальное вхождение в республику Сирию (что, возможно, потребует внесения конституционных изменений, в том числе и в официальное название страны), к чему стремятся силы, сплотившиеся вокруг ПДС. Обязательным условием руководство ААСВС считает официальное закрепление автономного статуса в составе Сирии. Альтернативой видится постепенный распад ААСВС на два квазигосударства – арабское и курдское, что в случае ухода США, то есть при исчезновении внешнего донорства, неминуемо приведёт к возрождению на этой территории исламского квазигосударства (ИГ или его аналога).

Что касается начавшегося в 2020 г. политического диалога между конкурирующими политическими группами Курдским национальным советом и TEV-DEM (с 2020 года Партия Курдского национального единства) в рамках ААСВС²⁰, то его успех и переподчинение сил самообороны от ПДС к Высшему Курдскому Совету приведёт к дальнейшей суверенизации ААСВС в качестве элемента сирийского конгломеративного государства. Вместе с тем договороспособность участников переговоров продолжает вызывать сомнения.

²⁰ van Wilgenburg. W. Syrian Kurdish parties agree on Supreme Kurdish Reference. Kurdistan24. URL: <https://www.kurdistan24.net/en/news/ba899219-46d4-4ff5-8bf1-465bb634a967> (дата обращения: 17.05.2021).

На основании вышеизложенного можно предположить, что Рожава — это протогосударственное образование с «низким уровнем стрессоустойчивости из-за отсутствия внутреннего консенсуса по вопросам осуществления властных функций и распределения общественных благ» [Бар-

тнев, 2018: 22]; стабильность восстановлена здесь под влиянием эндогенных политических процессов, допускающих содействие со стороны внешних сил, а донорство США стало одним из ключевых элементов стабильности ААСВС как протогосударства.

Список литературы

- Бартенев В.* Помощь «хрупким государствам» сквозь призму риск-менеджмента. Лабиринт объяснительных гипотез // *Международные процессы*. Т. 16. № 4 (55). 2018. С. 20–41.
- Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / Под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина.* М.: ИВ РАН, 2018. 555 с.
- Богатуров А.Д., Виноградов А.В.* Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // *Восток-Запад-Россия. Сборник статей. К 70-летию академика Н.А. Симони.* М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128.
- Васильев Л.С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура. // *Народы Азии и Африки*, 1980, №6. С. 157–175.
- Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. 320 с.
- Вертяев К.В.* Курдский вопрос в политике Турции (конец XX — начало XIX века). М., ИБВ, 2007. 254 с.
- Вертяев К.В.* Специфика курдского национального движения и его современная актуализация в Турции и Сирии // *Нации и национализм на мусульманском Востоке.* М.: ИВ РАН, 2015. С. 361–374.
- Гидденс Э.* Устройство общества. Очерки теории структуризации. М.: Академический проект 2005. 528 с.
- Звягельская И.Д., Кузнецов В.А.* Государство на Ближнем Востоке. Будущее началось вчера // *Международные процессы*. Т. 15. №4 (51). 2017. С. 6–19.
- Кашанина Т.В.* Происхождение государства и права. М.: Высшая школа, 2004, 325 с.
- Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М., Наука, 1997, 287 с.
- Лукичев П.Н., Скорик А.П.* Квазигосударственность. // *Полис. Политические исследования*. 1994. № 5. С. 139–142.
- Любашиц В.Я., Разуваев Н.В.* Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель. М., РИОР, Инфра-М, 2018. 533 с.
- Наумкин В.В., Кузнецов В.А.* К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // *Мировая экономика и международные отношения*, 2020. Т. 64. № 6. С. 104–113.
- Оджалан А.* Проблемы преодоления капиталистического модернизма и демократизация. Цивилизация. Эпоха божеств в масках и завуалированных царей. Т. 1. М., 2011. 280 с.
- Оджалан А.* Манифест демократического общества. Социология свободы. Т. 3. М.: Зебра Е., 2014. 479 с.
- Попов Ф.* От «безгосударственной территории» к «государству де-факто» // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 2(26). С. 16–28.
- Жизнь без государства: революция в Курдистане / Под ред. Д. Окреста, Д. Петрова, М. Лебского.* М: Common Place 2017. 366 с.
- Флах А, Айбога Э., Кнапп М.* Курдистан. Реальная демократия в условиях войны и блокады. М., РТП, 2015. 350 с.
- Acun C, Keskin B.* The PKK's branch in Northern Syria. PYD-YPG. 2016. Ankara: SETA 74 p.
- Bartolini S.* Restructuring Europe. Centre formation, System building and Political Restructuring between the Nation State and the European Union. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 415 p.
- Carneiro R.L.* The Chiefdom: Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World / ed. by G. D. Jones, R. R. Kautz.* Cambridge: Cambridge University Press. 1981. P. 37–79.
- Flanigan S.T.* For the Love of God: NGOs and Religious Identity in a Violent World. Lynne Rienner Publishers. 2009. 184 p.
- Gunter M.* Out of nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War. London: C Hurt &Co, 2014. 120 p.
- Kwarten L.* Redrawing the Lines in the Sand? Quests for Decentralisation, Regional Autonomy and Independence Among Syrian Kurds and South Yemeni Separatists // *Stabilising the Contemporary Middle East and North Africa: Regional Actors and New Approaches / ed. by V. Gervais, S. van Genugten.* Palgrave Macmillan, 2020. P. 233–257.

- Mampilly Z.C.* Rebel Rulers: Insurgent governance and civilian life during war. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 320 p.
- McColl R.W.* The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution. // *Annals of the American Association of Geographers*. 1969. Vol. 59. No. 4. P. 613–631.
- Öcalan A.* Demokratik Uygurlik Manifestosu: Ortadoğu'da Uygurlik Krizi ve Demokratik Uygurlik Çözümü. [Manifesto of the Democratic Civilization: The Crisis of the Civilization in the Middle East and Democratic Civilization Solution]. Mezopotamya Yayınları. 2010. 195 p.
- Öcalan A.* Özgür İnsan Savunması. İstanbul: Çetin Yayınları, 2003. 41 p.
- Özçelik B.* Explaining the Kurdish Democratic Union Party's Self-Governance Practices in Northern Syria, 2012–18 // *Government and Opposition*. 2020. Vol. 55. No. 4. P. 690–710.
- Schmidinger Th.* Rojava: Revolution, War and the Future of Syria's Kurds. London: Pluto Press, 2018. 300 p.
- Stansfield G.* Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy. Routledge, 2013. 280 p.
- Steiner H.* Left Libertarianism and the Ownership of Natural Resources // *Public Reason*. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 1–8.
- Szekely O.* Proto-State Realignment and the Arab Spring // *Middle East policy*. 2016. Vol. 23. No. 1. P. 75–91.
- Vertyaev K.V.* Kurds Within the Borders of New States Under the Sevres (1920) and Lozanne (1923) Treaties // *The Kurds: Legend of the East* / ed. by V. Naumkin, I. Popova. M.: 2019. P. 242–258.
- Weller M.* Contested Statehood: Kosovo's Struggle for Independence. Oxford University Press. 2009. 328 p.

SYRIAN KURDS AS PROTO-STATE ACTORS FROM THE INSURGENT STATE TO THE DEMOCRATIC CONFEDERALISM

KIRILL VERTYAEV

Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia

Abstract

The self-proclaimed Kurdish autonomy in the Northeastern Syria has already being estimated as one-third of the country, and, despite its unrecognized status, appears to become one of the key players in the Syrian peace settlement and, at the same time, a political hostage to the situation that has developed in Syria as a result of the civil war. The article explores the formation of the self-proclaimed autonomy in the Northeastern Syria (aka Rojava, Syrian Kurdistan, Federation of Northeastern Syria, Autonomous Administration of Northern and Eastern Syria (AANES)) and puts forward the thesis of Rojava's emergence as an insurgent state. The first part of the study analyzes its political system by implementation of the concept of proto-state actors for the Kurdish Self-Defense Forces (YPG) and the Democratic Union Party (PYD). Due to the inclusiveness of the Kurdish Self-Defense Forces the Kurdish non-state actors (PYD-YPG) have acquired the proto-state features, going beyond the definition of the “Syrian wing” of the Kurdistan Worker's Party (PKK). The article focuses on the complex and diversified ethnic composition of the local population within the boundaries of the de facto autonomy. It is manifested by the presence of various political actors and movements, including those based on ethnic particularism. It is concluded that such a political structure is a fragile one due to the interethnic contradictions between the Kurds and the Arabs in the region.

Keywords:

Syria; Syrian Kurdistan; Rojava; democratic confederalism; Federation of Northern and Eastern Syria; Autonomous Administration of Northern and Eastern Syria; proto-state; YPG.

References

- Acun C, Keskin B. (2016). *The PKK's branch in Northern Syria. PYD-YPG*. Ankara: SETA 74 p.
- Bartenev V. (2018) Pomosh' "khrupkim gosudarstvam" skvoz' prizmu risk-menedjmenta. Labirint ob'yasnitelnyh gipotez [Aiding Fragile States Through the Lens of Risk-management. Labyrinth of explanatory Hypotheses]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 16. No. 4(55). P. 20–41.
- Bartolini S. *Restructuring Europe. Centre formation, System building and Political Restructuring between the Nation State and the European Union*. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 415 p.
- Baranovsky V.G., Naumkin V.V. (eds) (2018). *Blyzhniy Vostok v menyayuschemsya global'nom kontekste*. [The Middle East in a Changing Global Context]. Moscow: IV RAN. 555 p.
- Bogaturov A.D, Vinogradov A.V. (2002). Anklavno-konglomeratnyj tip razvitiya. Opyt transsistemnoy teorii [The "enclave-conglomerate" type of development. Approach to the trans-system theory]. *Vostok-Zapad-Rossiya. Sbornik statey. K 70-letiyu akademika N.A. Simonii*. Moscow: Progress-Traditsiya. P. 109–128.
- Carneiro R. L. (1981). The Chiefdom: Precursor of the State. In: Jones G. D., Kautz R. R., (eds.) *The Transition to Statehood in the New World*. Cambridge &c. P. 37–79.
- Flach A., Ayboğa E., Knapp M. (2015). *Kurdistan: Realnaya demokratiya v usloviyah vojni i blokady* [Kurdistan: The Real Democracy in Conditions of War and Blockade]. Moscow. 350 p.
- Flanigan S.T. (2009). *For the Love of God: NGOs and Religious Identity in a Violent World*. N.Y. 184 p.
- Giddens A. (2005). *Ustroyeniye obschestva. Ocherki teorii strukturatsii* [Organization of the Society. Essays on the Theory of Structuration]. Moscow. 528 p.
- Gunter M. (2014). *Out of nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War*. L.: C.Hurt &Co. 120 p.
- Kashanina T.V. (2004). *Proiskhozhdeniye gosudarstva i prava* [Origins of the State and the Law] Moscow: Vysshaya shkola. 325 p.
- Knyazeva S.N. (2009). *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of the state and law of foreign countries]. Moscow. 128 p.
- Kwarten L. (2020). Redrawing the Lines in the Sand? Quests for Decentralisation, Regional Autonomy and Independence Among Syrian Kurds and South Yemeni Separatists. In: Gervais V., van Genugten S. (eds.) *Stabilising the Contemporary Middle East and North Africa: Regional Actors and New Approaches*. Palgrave Macmillan. P. 233–257.
- Lijphart A. (1997). *Demokratiya v mnogogosostavnykh obshchestvakh* [Democracy in Plural Societies] Moscow: Nauka, 287 p.
- Lyubashits V.Ya, Razuvayev N.V. (2018). *Evol'utsiya gosudarstva: Istoricheskaya dinamika i teoreticheskaya model* [Evolution of the State. Historical Dynamics and Theoretical Model. Moscow. 533 c.
- Lukichev P.N., Skorik A.P. (1994) *Kvazigosudarstvennost'* [Quasi-Statehood]. Polis. Politicheskiye issledovaniya. No. 5. P. 139–142.
- McCull R.W. (1969) The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution. *Annals of the American Association of Geographers*. Vol. 59. No. 4. P. 613–631.
- Mampilly Z. C. (2011) *Rebel Rulers: Insurgent governance and civilian life during war*. NY and London: Cornell University Press. 320 p.
- Naumkin V.V, Kuznetsov V.A. (2020). K voprosu o tipologizatsii negosudarstvennykh aktorov na Blyzhnem Vostoke [On the Issue of Classification of Non-State Actors in the Middle East]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 64. No. 6. P. 104–113.
- Öcalan A. (2003) *Özgür İnsan Savunması* [Defense of a Free Human]. Çetin Yayınları, İstanbul, 21 p.
- Öcalan A. (2010). *Demokratik Uyarılık Manifestosu: Ortadoğu'da Uyarılık Krizi ve Demokratik Uyarılık Çözümü* [Manifesto of the Democratic Civilization: The Crisis of the Civilization in the Middle East and Democratic Civilization Solution]. İstanbul. Mezopotamya Yayınları. 342 p.
- Öcalan A. (2011). *Problemy preodoleniya kapitalisticheskogo modernizma i demokratizatsiya. Tsvivilizatsiya. Epoha bojestv v maskah i zavalirovannih tsarey* [The Problems of Overcoming Capitalist Modernism and Democratization. Civilization. The Era of Masked Deities and Veiled Kings]. Vol. 1. Moscow, 280 p.
- Öcalan A. (2014). *Sotsiologiya svobody* [Sociology of the Liberty] Vol. 3. Moscow. Zebra E. 479 p.
- Okrest D., Petrov D., Lebskij M. (eds) (2017). *Zhizn bez gosudarstva: Revolyutsiya v Kurdistane* [Life without a State: the Revolution in Kurdistan]. Moscow: Common Place. 312 p.
- Özçelik B. (2020). Explaining the Kurdish Democratic Union Party's Self-Governance Practices in Northern Syria, 2012–18. *Government and Opposition*. Vol. 55. No. 4. P. 690–710.
- Popov F. (2011). Ot «bezgosudarstvennoy territorii» k "gosudarstvu de-fakto" [From the "stateless territory" to the "de facto state"]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 9. No. 2(26).
- Schmidinger. Th. (2018). *Rojava: Revolution, War and the Future of Syria's Kurds*. London. 300 p.
- Stansfield G. (2003). *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. Routledge. 280 p.

- Steiner H. (2009). Left Libertarianism and the Ownership of Natural Resources. *Public Reason*. Vol. 1. No. 1. P. 1–8.
- Szekely O. (2016). Proto-State Realignment and the Arab Spring. *Middle East policy*. Vol. 23. No. 1. P. 75–91.
- Vasil'yev. L. S. (1983). *Problemy genezisa kitayskogo gosudarstva* [Problems of the genesis of the Chinese state] Moscow: Nauka. 327 p.
- Vasil'yev. L. S. (1980). Protogosudarstvo-chifdom kak politicheskaya struktura [Chiefdom as a political structure]. *Narody Azii i Afriki*. No. 6. P. 157–175.
- Vertyaev K.V. (2007). *Kurdskiy vopros v politike Turtsii (konets XX – nachalo XIX veka)* [Kurdish question in Turkish politics (late XX – early XIX centuries)]. Moscow. 254 p.
- Vertyaev K.V. (2018). Kurds within the borders of new states under the Sevres (1920) and Lozanne (1923) Treaties. In: Naumkin V., Popova I. (eds) *The Kurds: Legend of the East*. Moscow. P. 242–258.
- Vertyaev K.V (2015). Spetsifika kurdsikogo natsional'nogo dvizheniya i ego sovremennaya aktualizatsiya v Turtsii i Sirii [Specifics of the Kurdish National Movement and its acualization in medern Turkey and Syria]. *Natsii i Natsionalizm na musul'manskom Vostoke*. Moscow: IV RAN. P. 361–374.
- Weller M. (2009). *Contested Statehood: Kosovo's Struggle for Independence*. Oxford University Press. 328 p.
- Zvyagel'skaya I.D., Kuznetsov. V.A. (2017). Gosudarstvo na Blizhnem Vostoke. Budushcheye nachalos' vchera [State in the Middle East. The future began yesterday]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 15. No. 4 (51). P. 6–19.